М.В.Захарченко,
Санкт-Петербург

Традиция и современность» как установки в самосознании и поведении человека

Модернизация, взятая в широком смысле, как всемирно-исторический процесс генезиса, самоутверждения и развития того, что мы называем «современностью», «Модерном», таит в себе антиномию «жизненного мира» человека и социальной системы, которая питается энергией жизненного мира, ничего не желая знать о нем (Макс Вебер). Желая быть свободным от обязательств «традиций», новый мир нуждается в потенциале человечности, взращиваемой традицией (Освальд Шпенглер).

Деконструкция традиции – важная часть становления новой антропогуманитарной практики в Новое время. Антропологическая революция, вызвавшая на арену исторического действия «человека современности», лишила традицию владычнего достоинства в человеческой природе, передала власть над нею принципу рациональной самоорганизации. В дискурсивной практике Нового Времени формируется схема «традиция-современность», выступающая как универсальное средство деконструкции традиции и конституирования форм самоорганизации, исходящих из принципа рациональности. Человек Модерна – это человек, ориентированный на рациональное самоизменение. Новизна всегда радовала человека, во все века воспевавшего гимны таинственной силе, властно обновляющей жизнь. «На каждую новую весну нужно выбирать и новую любовь: друг, прошлогодний календарь не годится для нового года»1, - звучит из древности песня Саади. Специфика Модерна в том, что он предпринимает авантюру конструирования нового социального мира и ориентирует человека на опережающее рациональное самоизменение.

«Современность» как установка. Установка на современность – это динамический принцип. В свете этой установки самая важная характеристика современного мира - скорость его изменения. В современности на протяжении жизни одного поколения меняется политическая система, идеология, меняются технологии, коммуникации, образ жизни, деятельность, меняются ценности, жизненные ориентации. Человек должен научиться жить в стремительно меняющемся мире. Современный человек - носитель идеологии изменений. Он склонен признавать, что новое самоценно. Стремление к обновлению воспитывается, поддерживается, поощряется. Облик созидателей нового овеян ореолом почитания и славы. Вся организация современной цивилизованной жизни построена на фундаментальных ценностях роста, развития, обновления. Цивилизационное развитие современности - это рост производства, рост потребностей, рост капитала, развитие организации труда, обновление технологий, схем коммуникации и информации, обновление знания. Исследования Римского клуба в 60-е годы обнаружили ресурсные пределы роста. Их выводы не повлияли на принципы идеологии обновления, они лишь привнесли новые важные параметры в конструктивные схемы планируемых изменений. Формула Маркса «философы различным образом объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы изменить его» является концентрированным выражением мироощущения современности как исторической эпохи. Современность впервые манифестировала себя на исходе Возрождения. Она еще не получила своего имени, но получила свой облик, свое лицо как эпоха великого перехода к «новому». Вико описывает «настоящее» как зарю нового мира, уже засиявшую над немногими народами, среди которых распространяется самая совершенная цивилизация, преисполненная всех благ, составляющих счастье человеческой жизни. «Блистающая несравненной цивилизацией» Европа становится символом «современности». Проявления несравненной цивилизации многочисленны – расцвет наук и искусств, становление национальных государств, развитие основанного на праве политического порядка, социальный и технический прогресс, бурное развитие промышленности, изобилие материальных благ, победа над болезнями, голодом, нищетой, распространение просвещения, неприкосновенность личности и собственности, личные свободы. Формула нового мира, вбирающая в себя все эти проявления, может быть выражена очень кратко - свобода, право, прогресс. Или же еще короче – практика свободы, ибо и право и прогресс могут быть проинтерпретированы как практика свободы. Изменения, определяющие лицо современности, становятся известны человеку как его собственное произведение. Эта сторона самоощущения человека современности выражается в известной формуле: «Будущее принадлежит тому, кто использует все возможности для того, чтобы самому создавать это будущее».

Принцип самоорганизации человека, вступающий в силу в Новое Время, выражается через категории «практики свободы», «установки на современность», «исхода в совершеннолетие» (Р.Декарт, Д.Локк, И.Кант, М.Фуко, М.Хайдеггер, М.Мамардашвили). Философский манифест нового мира принадлежит Декарту. Мираб Мамардашвили раскрывает cogito как основание практики свободы. Принцип cogito утверждает, что изменение – это возможность, которая может быть реализована только мной при условии моего собственного труда и духовного усилия. Cogito – это своеобразное fiat (Божественное «да будет!») современности, творящее мир, в котором я могу мочь. Мысль –

[1]Иван Бунин. Тень птицы.

это «акт свободы». В пространстве мысли можно двигаться, лишь вновь и вновь делом подтверждая решимость мыслить, мужество знать. Эта решимость позволяет человеку заявить себя в мире в качестве автономного существования. Мысля, человек «владеет собой», есть не «что», а «кто», и на этом основании он правомочен обладать чем-то в мире, иметь нечто «свое», «собственность».

Практика свободы основана на отношении человека к самому себе как автономному субъекту. Человек есть свое собственное произведение. Такое самопонимание – нечто большее, чем простая декларация свободы. Это – реальная практика конституирования самого себя как автономного субъекта. Мишель Фуко2 раскрывает ее в понятии «установки на современность», толкуя установку как способ отношения к актуальности. Принимая «установку на современность», человек переживает текущий момент как точку исхода в «состояние совершеннолетия», где он решается самостоятельно пользоваться собственным разумом, принимая одновременно обязательство его критического испытания. Подготовленное всем ходом истории к этому «исходу», человечество, однако, оказывается на некоей границе. Перейти к совершеннолетию можно только свободно, свобода же есть некий «акт», про-из-вольное действие, целиком находящееся во власти человека. Принятие или отказ совершаются в глубине человеческой личности и в последних своих основаниях рационально неисчислимы. Акт свободы парадоксален, он есть индивидуальный акт мужества остаться наедине с собой, но в нем созидается солидарность человеческого рода, основанная не на принудительных связях природы, но на свободном и взаимном признании человечности.

Основание активности автономной личности – она сама. Человек постольку мыслит себя способным и полномочным менять что-либо в мире, поскольку он прежде изменил себя самого; он отваживается на существенные трансформации отношений, институтов, форм жизни поскольку во внутреннем мире, в своем внутри-себя-бытии удостоверил надлежащие собственные качества3, позволяющие ему выступать во-вне как власть имеющий. Так понимая себя и свой мир, автономная личность не принимает обязательств подчиняться условиям и обстоятельствам преднайденного социального мира. Преднайденный мир создан кем-то, кто был прежде. Понимая его как продукт деятельности равного мне автономного субъекта, я могу менять его конструкцию. Это конструктивное понимание мира.

Принимая на себя ответственность за автономное применение собственного разума, человек должен быть готов к его критическому испытанию и к тому, чтобы свободно подчинить себя публичным законам, исходящим из принципов, согласных с разумом. Это «consent» – согласие, полагаемое в основание общественного договора. Это не риторическая фигура философии, но вполне реальное основание практики современных демократий. Просвещение реально конституирует в культуре специфическую сферу – сферу свободного, публичного и всеобщего применения автономного разума, «агору», используя метафору Мамардашвили. Философский дискурс выступает как ядро дискурсивной практики, в которой формируются основания общественного согласия.

Человеческое бытие задается как возможность и проблема. Человек есть постольку человек, поскольку он включен в нравственный порядок бытия, но человеческий способ «быть» не просто «есть», - он создается. Современность переопределяет существо нравственного отношения на началах cogito: человек включается в нравственный порядок в качестве субъекта моральности. Он только «призван» к нравственному бытию; в «акте свободы» он конституирует себя как субъекта моральности. Морального отношения нет вне человеческой свободы. Моральные различения не предписаны человеку ниоткуда извне – он сам устанавливает и удостоверяет их как субъект моральности.

Человек заявляет свой собственный разум как единственный авторитет во всех измерениях человеческого бытия – в познании, в практике, в нравственности. Рациональный гносис Нового Времени претендует на то, что он в состоянии удостоверить весь круг возможного человеческого опыта. Обратим внимание на то, что это дерзание разума относится не только к познанию, но и к действию. Теоретический разум интерпретирует область веры как сферу «недостаточного знания» и подвигается к тому, чтобы сколь можно далее продвинуться в ее пределы, превращая предметы веры в предметы точного знания. Практический разум ориентируется на то, чтобы в своих действиях руководствоваться точным знанием и не принимать решений, основанных на свидетельствах веры. Вполне известным, однако, может быть лишь то, что я сделал сам. Это открытие, сделанное на заре нового времени, ложится в основание новой программы деятельности человека в истории: человек призван не приспосабливать свою жизнь к законам мироздания, но менять мир по своей собственной мерке. Позитивная сторона этой программы переустройства мира,

---

[2] М. Фуко «Начала новой науки о природе наций». Michel Foucault. Dits et ecrits. 1954-1988. Paris, Gallimard, 1994, v. IV, pp. 562-578. (приводится в переводе Егора Никулина).

[3] Proper – свойственный, присущий, подходящий, надлежащий, собственный. Тулли указывает на семантические связи понятий property как „собственное качество“ и property как „собственность“//Tully J. A Discourse of Property: J.Locke and his Adversaries. Cambridge Univ.,1979.

конструирования его по собственной человеческой мере и разумению предполагает уверенность человека в том, что он в состоянии взять под контроль все силы, влияющие на его положение в мире, перенаправить их действие в своих интересах. Вебер предложил термин «целерациональность» в качестве характеристики конструктивной деятельности и, соответственно, конструктивного социального порядка, являющегося в результате этой деятельности. Негативная же сторона состоит в том, что человек уверен в своей способности построить мир, недоступный вмешательству всех неведомых ему воздействий и сил. Он уверен, что может представить в качестве несуществующего все то, что в принципе не поддается рациональному упорядочению. Для этой стороны конструктивизма Вебер предложил термин «разволшебствление мира». Эта идея имеет древние корни: еще Эпикур в свое время утверждал, что боги, конечно, существуют, однако они живут в межзвездных пространствах, ведут блаженную жизнь и не имеют ни нужды, ни желания вмешиваться в жизнь людей. Поэтому люди предоставлены самим себе, и им следует надеяться на собственный разум. Инфернальные границы этой идеи в новейшее время выразил Курт Воннегут, мастер парадокса. В «Сиренах Титана» он описал предельно иррациональный социальный мир, по своему происхождению являющийся результатом конструктивной целерациональной деятельности разумного существа внеземного происхождения. Системообразующим элементом этого мира оказывается особенная религия, базирующаяся на единственном символе веры: «Богу все равно».

Дискурс «философии современности» как деконструкция традиции. Просветительский дискурс стремится обосновать установку на современность как универсальный принцип человеческих мысли, чувства и действия, он ищет обоснования установки на современность в универсальных структурах всякого познания и морального действия.

Утверждая установку на современность, Просвещение целенаправленно и последовательно разбирает по частям установку на традицию, довлеющую в предшествующие времена. Основной тезис противников установки на традицию таков: действенное начало присутствует исключительно в актах свободы человеческой индивидуальности, оживляющих в том числе и формы общей жизни. Никакие устоявшиеся формы общей жизни не могут нести в себе животворящего начала. В просветительском дискурсе установка на традицию не исследуется, а конструируется посредством ценностно окрашенных оппозиций. Традицию определяют как «научение с чужих слов», как специфический способ возникновения в сознании такого знания, источником которого не является деятельность индивидуального разума. Такое знание - «знание по слуху», «по научению», его невозможно удостоверить. «Знание по традиции» противопоставляется «знанию по разумению»4. Только разумное знание может стать основанием акта свободы. Знающий «по научению» всегда находится под гнетом внешнего авторитета, он не способен к автономному нравственному поступку и к работе над собой.

Чтобы «быть» в качестве субъекта человек должен выйти за пределы традиции, должен создать себя в качестве личности, способной к познанию, моральному суждению и моральному выбору. Человек в качестве познающего и нравственного существа – это чистая доска, такое начало полагает Локк в эпистемологии. Кто же пишет на ней?- именно личность. Творческие силы, созидающие личность – рефлексия, свобода, воля. Если человек не подвигает силы своей души к созиданию в себе личности, он так и остается «ничем», чистой доской, открытой для воздействий извне. Человек - плод обстоятельств в той мере, в какой в нем не живет и не действует личность. И наоборот, он свободен изменять обстоятельства своего существования в той мере, в какой в нем живет и порождает себя личность.

Другое общее место – традиционное знание произведено в условиях ограниченного опыта и принципиально не способно к тому, чтобы трансформироваться и вбирать в себя опыт универсальный. Поэтому в современном мире, который стремительно глобализируется, где общение становится универсальным, традиционное сознание непригодно и даже опасно, а значит, воспитывающее такое сознание традиционное общество должно быть преодолено. «Современность» всегда связана с преодолением традиционности, с разрушением узких рамок традиционного общества – этот лейтмотив повторяется во всяком рассуждении, затрагивающем так или иначе тему модернизации, - о какой бы сфере возможного конструктивного праксиса ни заходила речь5. В.Освальд6 связывает традиционное сознание с

---

[4] Здесь я кратко воспроизвожу экспозицию «Опытов о человеческом разумении» Дж. Локка.

[5] Lerner D. с характерным названием The Passing of Traditional Society. Free Press.1958: «В традиционном сообществе люди живут изолированно, удалены друг от друга. В общине он знает каждого, легко ориентировался во взаимоотношениях и легко определял роль человека в сообществе. В современном обществе встречаются все новые люди и надо уметь определять, какую роль каждый из них играет, какова его роль в сообществе. Такая способность распознавания - эмпатия. Поэтому модернизация любого общества связана с перестройкой человеческой личности, с приобретением черты, которую можно назвать психической мобильностью...»

6 Oswalt W. Understanding Our Culture. Holt. Rinehart and Winston.Inc. 1970

узкогрупповой солидарностью и указывает на необходимость его преодоления... Сознание современного человека должно быть достаточно гибким, чтобы включать в круг солидарности все миллиарды живущих на земле людей. Магоро Маруяма трактует традиционное сознание как низшую ступень психической эволюции. Движение психического развития человечества идет от замкнутого узкогруппового кругозора к расширению кругозора и приобретению психической гибкости, необходимой для вживания в психологические роли гетерогенного общества в пределах одной культуры, и , наконец, к внешнему кругу, обозначающему высокоразвитую разностороннюю глобальную психику, которая позволяла бы легко выходить за пределы собственной культуры7. Современный тип личности возникает в результате изменившихся социальных условий. Р. Хенви характеризует преодоление традиционного сознания как «историческую драму преобразования человеческой психики»8

«Рационализм Нового Времени развивался под знаком мятежа против традиции, - пишет Шацкий9, - В эпоху великих буржуазных революций (особенно великой французской революции) любой рационализм в большей или меньшей степени был наделен иллюзией разума, независимого от традиции и диктующего обществу свои, доселе неизвестные, законы. В эту эпоху в европейской мысли укоренилось не изжитое еще и по сей день убеждение, в существовании коренной оппозиции между традицией и Прогрессом, старым и новым, ретроспективным и проспективным мышлением, Историей и Разумом. Прогресс всегда совершается ценой традиции, упрочение традиции – это обязательно ограничение возможностей прогресса»10.

В процессе идеологической деконструкции традиция, традиционное установление помещается за пределы нравственного порядка бытия. Исторически выработанные учреждения подлежат моральной оценке; в горнило морального дискурса должны быть помещены нравственные истины, незыблемые для отцов. Речь идет не о сравнении конкретных установлений с какой-то данной моральной системой, а о возможности увидеть любое учреждение и установление в категориях морального выбора и морального отношения. В этих категориях унаследованные учреждения и унаследованные истины интерпретируются в новых смысловых координатах. Они могут быть удостоверены как истинные, но уже не в качестве традиционных, а в качестве таких, которые отвечают критериям субъекта моральности.

Традицию определяют как «научение с чужих слов», как репродуктивное знание. Его источником не является деятельность индивидуального разума, и оно не может стать основанием акта свободы. Знающий «по научению» всегда находится под гнетом внешнего авторитета, он не способен к автономному нравственному поступку и к работе над собой. Это знание бессильно в практическом отношении, оно годится только в застывших обстоятельствах жизни, любое динамическое изменение является вызовом для традиции. Порожденное в условиях ограниченного опыта, оно принципиально не способно к тому, чтобы трансформироваться и вбирать в себя опыт универсальный.

Политический рационализм Просвещения отказывается учитывать опыт традиции в своих построениях и предлагает начинать историческую работу с нуля: наилучший способ получить хорошие законы – сжечь все старые и создать новые (Вольтер).

Легко видеть, что описанная установка актуальна в сегодняшней антропогуманитарном праксисе, включающем в качестве элементов образование, культурное творчество, массовую культуру.

Традиция как установка. Однако в дискурсивной практике последних трех веков истории наряду с «установкой на современность» манифестирует себя также и другая установка – «установка на традицию». Впервые она заявила себя в манифестах традиционалистов XVIII века (Э.Берк), завоевала всеобщие симпатии в посредством творчества романтиков, оформилась в категориях в «философии жизни и герменевтике», проявила себя в литературе, публицистике, интенции научных исследований, обращенных и истории, слову, этносу, искусству.

Идеология традиционализма возникает как реакция на универсальные претензии конструктивного ratio. (Ю.Мезер, М.Окешотт, Э.Берк)[11].В лице традиционалистов историческое прошлое и исторический опыт предъявляют права голоса и права гражданства. «У нас нет оснований считать наших предков глупцами» - эту формулу Шацкий характеризует как подлинную исходную точку полемики консерваторов с политическими рационалистами. Приверженность старым обычаям, привычкам, формам управления «базируется не на слепых и бессмысленных предубеждениях», но на доверии к мудрости вида. Человек как индивид способен к крайним глупостям, «но вид мудр и, если действует не в спешке, почти всегда поступает, как подобает» (Э.Берк)12. Ю.Мезер убежден, что оценка старых обычаев как невежественных сама

7 Maruyama M. Toward a Cultural Futurology.\\ Cultural Futurology Symposium.1970. American Antropology Association national meeting. University of Minnesota.1970 \\

8 Роберт Хенви Достижимая глобальная перспектива. (Рязань.,1994 - 84 с.,) - с. 37

9 Шацкий (1990), С. 222, 226.

10 Ежи Шацкий. Утопия и традиция. С. 226. Цит. из Поппера и Сиейеса даны по кн. Шацкого.

11 Шацкий (1990). Утопия и традиция. С. 228-236

12 Bredvold L.J., Ross R., The philosophy of Edmund Burke. Ann Arbor,1960, p. 211; Шацкий, с. 230.

базируется на невежестве. Добросовестное исследование всегда обнаружит разумное объяснение этих старых обычаев.

Идее революционной солидарности поколения, приступившего к созданию нового социального мира, защитники традиции противопоставили идею солидарности поколения ныне живущего с ушедшими поколениями. «Консерваторы постоянно будут повторять, что народ, нация и общество - это союз людей не только в пространстве, но и во времени. Поэтому ни одно поколение не свободно; ни одному поколению нельзя относиться к обществу так, как если бы оно было целиной, только что открытой или попросту созданной. Народу нужны традиции как дереву корни; без традиции он вообще не народ, а всего лишь аморфная, ненадолго собравшаяся толпа»13.

В традиционализме отрицательно оценивают конструктивный потенциал рационалистов. Создавая «новое» («все сдвинув с места»), они не могут создать «лучшего» по сравнению с исторически сложившимися формами жизни. На практике они применяют средства старые, как мир, ни на йоту не отступая от известных формул тирании и узурпации. Их абстрактные конструкции адресованы «первобытным людям, лишенным прошлого». Реально же перед ними «общество, формировавшееся на протяжении многих веков; они могли его уничтожить, но не могли склонить к спекулятивным схемам»[14].

Точно воссоздавая основные ориентиры самоорганизации рационалиста, М.Окешотт низко ценит его политический праксис. Рационалист стремится к освобождению от всех авторитетов за исключением авторитета разума, Достоверны только знания , самостоятельно добытые разумом. Готовые знания - помеха на пути к истинному просвещению. Рационалист не ищет учителей; он хочет всеми своими знаниями быть обязан лишь самому себе Для него воспитание – это исключительно тренировка в технике рационального анализа. Рационалист признает только сознательно проводимые изменения. На этом пути он легко впадает в ошибку, отождествляя традиционное с неизменным, поскольку не в состоянии понять внутренней работы традиции. В рационалистической установке по отношению к традиции в мышлении и речи нет о сохранении и обогащении такой традиции, поскольку то и другое предполагает покорность. Традиция эта должна быть уничтожена, и на ее месте рационалист создает что-то самодельное. Большая часть политической активности рационалиста состоит в том, чтобы отдавать под трибунал своего интеллекта социальное, политическое, правовое и институциональное наследство общества; остальное – это рациональное управление с помощью контроля «разума» над обстоятельствами. Окешотт замечает, что «рационализм в политике присущ неискушенным в политике новым правителям, новым правящим классам и новым государствам. При отсутствии накапливаемых столетиями практических знаний общественной жизни возникает потребность в технике управления, в общих правилах, которыми мог бы воспользоваться каждый, а не только люди, издавна посвященные в секреты власти. Государь, которому адресовал свои советы Маккиавели, западноевропейская буржуазия, стремившаяся к радикальному изменению политического строя, американские колонисты, закладывавшие основы нового общества – вот кто призван быть рационалистом в политике»[15].

Традиционализм сегодня занимает заметное место в мире. Это многоликая идеология, ее исторические проявления неоднородны Палитра традиционализмов очень разнообразна. Традиционализм не является монолитной доктриной – он не предлагает идеологии, развернутой по канонам рационального дискурса; мы не найдем в нем чего-либо похожего на политические трактаты Гоббса или Руссо, или на Всеобщую декларацию прав человека. Исследователи традиционализма полагают, что он носит всегда конкретно-исторический, «ситуативный» характер, и следует говорить не о традиционализме как таковом, а о различных идеологиях традиционалистского типа, обладающих одной общей характеристикой – это идеология, которую развивают сторонники традиции и защитники ее от универсализирующего рацио[16]. По мнению Шацкого, европейский традиционализм базируется на повсеместном признании, что культуры без наследования, без преемства нет, на подлинной вере, со времен Романтизма почти всеобщей, в то, что время освящает идеи и установления, и что даже наиболее устремленные в будущее проекты должны по возможности иметь опору в прошлом. Хантингтон[17] различает традиционализм автономный, обусловленный психической организацией людей, ситуативный, возникающий в момент слома социального порядка, и аристократический, связанный со спецификой родового предания аристократии.

Эпштейн18 выделяет три типа консерваторов, в основании каждого лежит типологическое воззрение на природу связи прошлого с настоящим. Первый тип, защитники status quo: полученные нынешним поколением законы и обычаи – итог накапливаемой веками коллективной мудрости, и потому должны быть

[13] Шацкий (1990): С. 230

[14] Э.Берк. Там же.

[15] Oakeshott M. Rationalism in Politics and others Essays. London, 1967. P. 23. Шацкий, с. 226.

[16] Шацкий, Эпштейн, Хантингтон.

17 Huntington S. P. Conservatism as an Ideology.- In: The American Political Science Review, 1957, vol. LI, pp.454-473. Шацкий, с. 220.

[18] Epstein K. The Genesis of German Conservatism. Princeton, New Jersey, 1966. Шацкий, с. 231.

защищены. Второй тип: реформаторы, или сторонники постепенных изменений Революционному слому противопоставляются изменения, учитывающие уроки прошлого. Проблема состоит в сохранении принципа преемственности. Идея наследия состоит из надежного принципа консервации и надежного принципа передачи, и ничуть не отрицает принципа улучшения. Идея наследия ничего не имеет против приобретений, но надежно охраняет то, что приобретено (Э.Берк). Третий тип: реставраторы (реакционный консерватизм). Настоящее есть плод неоправданных изменений. Требуется восстановление социальных форм прошлого, возможно, весьма отдаленного.

Исследователи консерватизма, искавшие общую его форму, констатировали, что ему как таковому трудно приписать конкретный социальный идеал или конкретную теорию. Самуэль Хантингтон выделил набор признаков «консервативной веры»[19], Этот реестр близок основным тезисам социальной философии Эдмунда Берка: “Человек – существо религиозное, религия же является фундаментом общества. Бог санкционирует существующий законный социальный порядок; Общество является естественным, органическим продуктом постепенного исторического роста. Существующие институты олицетворяют мудрость предшествующих поколений; Человек – продукт и разума, и эмоций, и инстинктов. Благоразумие, предубеждение, опыт и обычай лучшие проводники, чем разум, логика, абстракция, и метафизика. Правда существует не в виде общих утверждений, а в форме конкретного опыта; Коллектив выше личности… источник зла в природе человека, а не в отдельных социальных учреждениях; Люди не равны. Социальная организация сложна и всегда содержит в себе различные классы, сословия и группы. Расслоение, иерархия и подчинение – неизбежные черты любого общества; Существует презумпция «в пользу любой установленной системы правления против любого неиспользованного проекта. Далеко простираются людские надежды, недалеко видит людской взор. Попытки устранить существующее зло обычно вызывают еще большее зло».

Анализируя манифесты традиционализма, Шацкий формирует программу теоретического исследования традиции. Сама традиция сегодня изменилась, она сильно рационализировалась: больше нельзя говорить о ней как о непосредственном продлении прошлого в настоящем: те, кто ценит прошлое и поддерживает консервативные тенденции в обществе, делает это рационально. Традиция поддержана традиционализмом: ценностной позицией субъекта и его выбором. Традиционалисты же не различают традицию как факт и ценностное отношение к ней, т.е. не строят самоотношения. В теоретической программе Шацкого сопрягаются оба объекта исследования: и традиция, и традиционализм как «два тесно связанных, но различных явлений общественно-исторической жизни». Он предлагает развивать понятие традиции в перспективе, обозначенной Монтескье, в связи с категорий условия. В глубине идеологического противостояния сторонников радикальных обновлений без оглядки на прошлое и сторонников традиции скрыта важнейшая проблематика обусловленности человеческой деятельности. Вопрос стоит не только о границе фактической зависимости настоящего от прошлого, о мере свободы или зависимости от него. Речь идет о той мере, какой человеку отпущено право и возможность быть субъектом того, что он делает, мыслит и говорит, и о том, кто есть его партнеры по диалогу на «агоре», где он обсуждает границы автономного применения разума и то «целое», образом которого он руководствуется, принимая решения, влияющие на общественное законодательство.

Мы видим возможность шире развернуть эту перспективу и сформулировать программу теоретического исследования традиции, исходящую из идеи «установки на традицию». В культуре современного мира имеет значение не только «установка на современность», но и «установка на традицию». Последняя являет себя в манифестах традиционалистов. Традиционалисты, однако, не строят самоотношения, и в силу этого их действие всегда выступает как реакция, - «ответ» на «вызов» агента социальных изменений. Традиционалисты демонстрируют принадлежность к культурной традиции и ценностное отношение к ней. Но далеко не всегда они манифестируют ее действительное самосознание. Самосознание традиции предполагает наличие теоретических средств, релевантных формам самоорганизации, содержащимся в традиции. Экспликация «установки на традицию» предполагает, наряду с принадлежностью к традиции, также стремление и усилие к ее теоретическому осмыслению, к выработке таких средств.

Установка на традицию - это установка на текущий момент как на точку перехода, в которой должно произойти присвоение совместно пережитого. В «здесь и теперь» человек не обретает и не изобретает себя, он приобретает свое, стяжает добро, трудовую и военную добычу внешней и внутренней брани. Установка традиции – своего рода скопидомство, домостроительство в пределах культуры и истории. Забота и волнение духа устремлены не столько к раздвижению границ возможного, сколько к неутрате актуально присутствующего. Установка традиции не исключает установки современности; локализуя претензии

[19] Huntington S. P. Conservatism as an Ideology.

автономного духа на исключительность, традиционный этос способен осваивать плоды его творческих авантюр, включая их в иерархический порядок обжитого мира.